

Поэзия

Андрей
АЛЬПИДОВСКИЙ

Нижний Новгород

Андрей Дмитриевич Альпидовский. Родился в 1960 г. в г. Горьком. Окончил эксплуатационный факультет Горьковского института инженеров водного транспорта по специальности «Автоматизация управления водным транспортом». Работает на кафедре Управления транспортом Волжского государственного университета водного транспорта. Доцент, кандидат технических наук, автор более 70 учебно-методических и научных трудов, в том числе монографии. Дипломант и серебряный призер турнира поэтов второй литературной универсиады Приволжского федерального округа. Член Союза писателей России, постоянный автор журнала «Вертикаль. XXI век». Живёт в Нижнем Новгороде.

БЕЗУТЕШНЫЙ ЗВОНАРЬ

Колокол сердца

1

В теплых снегах и в местах тёплых,
В старом, промёрзшем до крыши
автобусе –
Холод, холод! В глазах стекла –
Дыши, не дыши, – не оттают
вовсе.

Окоченевшие слов горошинки
Бьют звон. Неделимый атом
Взорван. Летят нуклоны-грошкики
«Двушками» в щели по автоматам.

Диск остановится, схваченный
в скрежете,
Будто совсем его не крутили.
И отзвонил по тебе я, прежде чем
Встретил. Видали такого кретина?

Закат, остужая, в рост отоматит.
Тянет железо только к железу.
И ты покорёжен,
телефон-автоматик, –
Дай к тебе в душу с ногами залезу!

Только твое и осталось тепло,
А мне б – человечье – на жизнь,
малость!
– Жалкая жертва, худ и плох, –

Рожей рогатой в ночь рассмеялось.

Колокол сердца смертным звонит,
Рушась, любовь тебе же неся!
Что это?! Хвост, стук копыт
звенит,
Спеклось на губах довольство объ-
евшегося.

Вот еще один! Еще, еще!
Круче предельного рассудка крен.
Враг человеческий счастлив,
прощён,
Шапки мех на рогах набекрень!..

2

Поздно. Кривится усмешкой
улица,
Щербатым оскалом в лицо – забор.
Если б тебе так под ношей
ссутулиться,
Ты, чью тяжесть взвалил собор!

В кругах города – реклам огни.
Отблеск в каждом зрачке –
соблазн.
В отдельном адике, только мигни,
Будешь ласки теплом олазан.

Дверь. Бьюсь.

– Откройте, пустите!

– Люди, там, на улице – страшное!

Открыли.

– Что ж вы один стынете? –

Хвостом поигрывая, ласково
спрашивает.

– В кассу, пожалуйста.

Расписываться? Нет.

Что вы, кровью?

Какая-то уголовщина!

Музыка. Ведмочки.

Не мрак – свет

Тихо играет в мозгах
прополощенных.

А вы душу за трешку продали б?

А если опора последняя – стойка?

В льдинах бокалов смят, уродлив,

Падаю звёздами в бездну
столика...

Друг мой единственный,
отражённый

В каплях коктейля
на полированной,

В марше без дум – рядовой
колонны –

К аду по скату дороги ровной.

Жалко – работает некруглосуточно

Этот круг ада, мне не близкий.

Снова и снова льда шторы несут
очкам

Уличных адиков круги склизкие...

Самая страшная – боль перехода
Ноты, оборванной высоко,
В глушь колокольни над сердца
приходом,
К колоколу с вырванным языком.

Если б стаккато! Резким стаккато,
А не покоящим диминуэндо
По серебристому насту ската
Хмеля чарующим менуэтом...
Грянул бы медный – дико,
надрывно –

В рубище смеха иди страдать!
Ласково глушит снега перина.
Стыни простынной – сева страда.

Вот бы зайтись в сторотый,
Всепробуждающий вопль!
Тихи сугроба гроты,
А над сугробом – тополь.

А под стволом-церквушкой
Плачет разбитой медью
Над разлитой чекушкой
Пьяница, как над смертью.

И вновь безутешный звонарь вос-
стаёт.
Ему не живётся, не звонится!
Колокол – жуткий, немой – встаёт
Влёт на алтарь из звонницы...

И, погудев благообразно,
Медный утих. И венец падения –
Вкруг головы только лужа
красная –
Я над собой поднимаюсь тенью...